

А.О. Буркун

**ТОМСКО-ЧУЛЫМСКИЙ ТАЕЖНЫЙ МАССИВ:
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ОПЫТ АНАЛИЗА
СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ 1911 г.)**

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Рассматривается локальная перепись 1911 г. как источник для выстраивания социальных сетей в томско-чулымском таёжном массиве; анализируются религиозная и хозяйственная жизнь Александровской, Ново-Кусковской и Петропавловской волостей.

Ключевые слова: томско-чулымский таёжный массив; социальное взаимодействие; перепись; религиозный ландшафт.

Наиболее интересным для изучения вопросов, связанных с особенностями социального взаимодействия в колонизируемом и полиэтническом пространстве, является томско-чулымский таёжный массив. Он расположен в междуречье Оби и Чулыма на территории Томской области в юго-восточной части Западной Сибири. Район представлял собой труднодоступную для заселения болотистую местность, где в силу особенности освоения края находились люди с разными целями и жизненными стратегиями: а) представители светской и церковной власти, чьей задачей стало создание условий для использования экономического потенциала региона; б) легальные и нелегальные колонисты, для которых сознательный выбор таежных территорий определялся конфессиональными, политическими и/или хозяйственными мотивами; в) представители разных социальных групп – «жертвы» государственной штрафной колонизации [1. С. 79].

Основным источником статьи является локальная перепись 1911 г. [2]. Под локальной переписью подразумевается выборочное обследование различных групп населения. Она была проведена Переселенческим управлением для обследования переселенческих хозяйств и переселенцев Томской губернии [3]. Перепись содержит следующие статистические данные: информацию о волостях, переселенческих участках, населенных пунктах, о расстоянии между населенным пунктом и уездным городом/волостным

правлением, количестве дворов, численности населения, гендерном соотношении, количестве земли, а также культовых, социальных и экономических сооружениях. Локальная перепись 1911 г. интересна тем, что включает в себя сведения о томско-чулымском районе. В качестве источника для реконструкции особенностей социального взаимодействия в колонизируемом и полиэтническом пространстве локальная перепись 1911 г. будет привлечена впервые. Ранее переписи использовались исследователями преимущественно для характеристики крестьянского хозяйства [4].

Факторы адаптации, барьеры и стратегии поведения переселенцев исследуют Е.Е. Дутчак и М.К. Чуркин. Монография Е.Е. Дутчак позволяет рассмотреть особенности конфессиональной миграции на территории томско-чулымского таёжного массива [5]. Из статьи М.К. Чуркина видно, что старожилы были в большей степени подвержены влиянию скитов и выстраивали «народное» православие, в отличие от переселенцев [5]. Активно изучением православия в контексте регионального культурного ландшафта занимаются уральские исследователи Е.М. Главацкая, И.Л. Манькова, С.И. Цеменкова, С.В. Голикова [8]. Для более глубокого понимания религиозного ландшафта¹ они пространственно систематизируют все данные, т.е. применяют методы исторического картографирования и историко-географических реконструкций [7]. Методы исследования, используемые уральскими учеными, служат моделью для дальнейшей разработки темы. Общие представления о гуманитарной географии, модели мифа можно получить из работ Д. Замятина [9], И. Митина [10], С. Королева.

В ходе изучения переписи, по данным Петропавловской, Александровской и Ново-Кусковской волостей, была составлена таблица, на основе которой можно выделить два блока: религиозная и хозяйственная жизнь волости.

Религиозная жизнь волости. Количество и местонахождение по волости культовых сооружений привлекает внимание при анализе переписи. В качестве культовых сооружений в данном исследовании выступают церкви и часовни. Часовня свидетельствует о начальном процессе освоения новой территории, и, как правило, является маркером в сакральном пространстве

¹ Под религиозным ландшафтом территории подразумеваются социальные сети, возникающие в результате символического деления пространства на сакральное и профанное и выполняющие коммуникативные, адаптационные и идентификационные функции для индивидов и групп, включённых в их орбиту.

[7. С. 16]. Наличие церкви говорит о том, что переселенцы сакрализируют пространство, превращая его в «свое», привычное для православного человека. В Петропавловской и Александровской волостях на 1911 г. было по одной церкви и часовне. Церковь находилась в административном центре волости, т.е. в том месте, где было расположено волостное правление в пос. Петропавловском и с. Александровском [2]. Это говорит о том, что населенные пункты, отдаленные от волостного правления, не имели доступа к культовым, сакральным сооружениям. На основе этого, можно предположить, что у переселенцев были другие факторы, позволяющие им выстраивать своё сакральное пространство. Один из таких факторов – Римско-католический молитвенный дом, находившийся в пос. Двуреченском Александровской волости. Следовательно, помимо православного пространства существовало и католическое. Другим фактором были скиты старообрядцев, которые заменяли «официальную» церковь.

Совершенно другая ситуация наблюдается в Ново-Кусковской волости. Здесь находилось 8 церквей и 2 часовни, а это в 8 раз больше, чем в Петропавловской и Александровской волостях. Церкви были расположены в с. Ново-Кусковом, с. Казанском, с. Воронина-Пашня, д. Митрофановке, с. Больше-Дороховском, с. Пышкино-Троицком, с. Архангельском, пос. Рождественском [2]. Обратившись к карте Томской губернии за 1911 г., можно говорить о том, что церкви в Ново-Кусковской волости располагались относительно равномерно по всей территории, а это значит, что у переселенцев была реальная возможность поддерживать практику «официального» православия: следовать канонам и традициям, выполнять необходимые религиозные ритуалы, не прибегая к взаимодействию со скитами и выстраиванию «народного» православия.

Хозяйственная жизнь волости. Информация о расстоянии от уездного города, волостного правления, ближнего почтового отделения, станового пристава, квартиры крестьянского начальника, земской станции, телефонной станции дает возможность судить о развитии коммуникации в широком понимании этого слова: дороги, почтовая и телефонная связь, взаимодействие местной власти и населения, взаимодействие центральной власти с региональной, торговые связи [2]. Любопытным фактом является наличие телефонной станции в д. Орловка Петропавловской волости. Сразу возникает ряд вопросов – а зачем в деревне телефон? с чьей подачи он был установлен? кто им пользовался? Есть предположение, что телефон был установлен для томско-обского лесничего, у которого в д. Орловка находилась квартира, но, возможно, преследовались другие цели.

Александровская волость – это новый переселенческий район, слабо развитый в экономическом плане: 1) здесь наблюдается преобладание мужского населения над женским населением в 2–2,5 раза (муж. – 3 176, а жен. – 1 388). Это обусловлено необходимостью мужской рабочей силы на первоначальном этапе освоения новой территории; 2) на каждый двор в среднем приходилось по 5 человек, т.е. здесь проживала малая семья; 3) в волости находилось 15 хлебозапасных магазинов, 9 мелочных торговых лавок, 1 казенная винная лавка, 1 водяная мукомольная мельница, что свидетельствует о неразвитости производства [2].

Ново-Кусковская волость – это наиболее экономически развитая волость из трех рассматриваемых: 1) здесь находилось 29 хлебозапасных магазинов, 25 мелочных торговых лавок, 7 мануфактурных лавок, 5 казенных винных лавок, 1 еженедельный по понедельникам базар, 27 водяных мукомольных мельниц, 1 ветряная мукомольная мельница; 2) количество мужского и женского населения примерно равно (муж. – 9 127; жен. – 9 277); 3) на каждый двор в среднем приходилось по 5 человек, так же как и в Александровской волости, т.е. здесь проживала малая семья [2]. Экономическую развитость волости можно объяснить более ранним заселением и расположением на р. Чулым, что давало возможность заниматься производством муки и рыбным промыслом.

Петропавловская волость – экономически развитый переселенческий район: 1) здесь было 15 хлебозапасных магазинов, 12 мелочных торговых лавок, 1 мануфактурная лавка, 2 казенные винные лавки, 3 водяные мукомольные мельницы, 1 ветряная мукомольная мельница; 1 пивная лавка, 1 паточный завод, парходная пристань. В Петропавловской волости можно говорить о производстве муки, крахмала и патоки; 2) количество мужского и женского населения примерно равно (муж. – 2 880, жен. – 2 773); 3) на каждый двор в среднем приходилось по 5–6 человек, а это на 1 человека больше, чем Александровской и Ново-Кусковской волостях.

Таким образом, на первом этапе разработки темы начинают вырисовываться представления о социальных сетях, возникают рабочие гипотезы:

1. На территориях близлежащих к местам проживания скитов потребности в строительстве церквей не было. Вероятно, это обусловлено взаимодействием переселенцев со старообрядцами, что вело за собой выстраивание «народного» православия и отказ от «официального».

2. Экономическое положение волости не оказывало большого влияния на строительство церквей. Показательной в этом случае является Петро-

павловская волость, которая, имея высокий экономический уровень, обходилась одной церковью.

В дальнейшем планируется создание электронной карты для более глубокого понимания социального взаимодействия на локальном уровне.

Литература

1. *Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежавева Т.В.* Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1.
2. Список населенных мест Томского уезда Томской губернии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pereselenie.gato.tomica.ru/snm/1911/document-4.html>, свободный (дата обращения: 16.02.2014).
3. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2.
4. *Никулин П.Ф.* Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. как источник для изучения внутреннего строя крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. // Сибирь в составе России XIX – начала XX вв.: сб. историко-статистических матер. Томск, 1999.
5. *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007.
6. *Чуркин М.К.* Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев чернозёмного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1.
7. *Главацкая Е.М., Манькова И.Л., Деменкова С.И.* Реконструкция православного ландшафта Урала XVII – начала XXI вв.: из опыта создания историко-культурного атласа // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2010.
8. *Голикова С.В.* Культовые сооружения (часовни и храмы) как элементы православного ландшафта Урала XVIII – начала XX вв. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2010.
9. *Замятин Д.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 3.
10. *Митин И.* Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/571/991/1219/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf, свободный (дата обращения: 17.03.2014).